

НЕСТОРІЙ и ЕВТИХІЙ

ЕРЕСІАРХИ V-ГО ВѢКА.

Пятый вѣкъ, въ исторіи Римской имперіи зрѣнія общественной жизни обыкновенно считается вѣкомъ безжизненнымъ, и вслѣдствіе этого недостойнымъ исторіи. Мы согласились бы, можетъ быть, съ этимъ заключеніемъ, если бы вѣрны были его посылки, хотя, по правдѣ сказать, нашему вѣку вовсе не подобало бы относиться презрительно къ другимъ вѣкамъ, и знаменитое изреченіе: *humani nihil a me alienum puto*—должно бы быть единственнымъ девизомъ исторіи. Все дѣло въ томъ, что разумѣть подъ общественной жизнью. Большинство тѣхъ, которые говорятъ намъ объ ней, по крайней мѣрѣ по отношенію къ древнему римскому міру, представляютъ ее не иначе, какъ въ пышной обстановкѣ республиканскаго Рима: съ шумнымъ форумомъ, съ сенатомъ, находящимся въ постоянной борьбѣ съ народомъ, съ трибунами въ тогахъ, съ кандидатами въ бѣлыхъ одеждахъ, съ ликторами, проскрипціями, изгнаніями и убійствами, производимыми даже на самомъ форумѣ. Ну что-жъ? Часть этого зрѣлища представляетъ намъ и пятый вѣкъ. Правда, здѣсь не видно болѣе споровъ объ аграрныхъ законахъ или вражды плебеевъ и патриціевъ; но за то здѣсь происходитъ не менѣе горячая борьба мнѣній о предметахъ вѣры и порядкахъ въ церкви, которая въ эти смутныя времена была единственнымъ убожищемъ цивилизации; вмѣсто соперничества консуловъ и трибуновъ, сопровождаемаго происками, подкупамъ и насиліями, здѣсь выступаетъ взаимное соперничество епископовъ; народнымъ волненіямъ

форума соответствують волненія церквей: здѣсь столько же форумовъ, сколько большихъ митрополій въ имперіи; а церковные соборы представляютъ собою сенатъ этого времени. А это все и есть общественная жизнь, съ ея волненіями, добродѣтелями и пороками. Ибо что же такое общественная жизнь? Слово это не имѣло бы смысла, еслибъ не означало столкновенія и борьбы страстей, желаній и стремленій къ опредѣленной цѣли.

Итакъ, общественная жизнь существовала и въ пятomъ вѣкѣ, и мы видимъ, что въ ней принимаютъ участіе всѣ, императоры и народъ, знатные и плебеи, міряне и клирики. Отнять у исторіи этого времени то, что относится къ идеямъ и фактамъ христіанства, значить отнять у нее самую душу ея,—и въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, сдѣлано уже слишкомъ много. Мы попытаемся возвратитъ обездушенной исторіи этого вѣка его душу,—и въ настоящемъ сочиненіи своемъ займемся двумя героями догматической борьбы пятого вѣка, Несторіемъ и Евтихіемъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(428—421 г.).

I.

Несторій и Евтихій,—эти два имени волновали римскій міръ V-го вѣка можетъ быть болѣе, чѣмъ имена Алариха и Аттилы: Аларихъ и Аттила угрожали только землѣ, а тѣ простирали свои угрозы даже до неба, потрясая христіанство въ самомъ главномъ основаніи его, въ ученіи о воплощеніи. Когда Дѣва Марія родила Эммануила, Бого-человѣка, пришедшаго спасти родъ человѣческій, то—кого собственно родила она, человѣка или Бога? и если она родила того и другаго, то въ какомъ отношеніи находились между собою два естества, божеское и человѣческое, въ лицѣ ея

сына Иисуса? Таковъ былъ грозный въ очахъ вѣры вопросъ, внезапно поднятый въ первой половинѣ V-го вѣка и возбуждившій религіозную войну, знаменосцами которой были Несторій и Евтихій.

Никейскій вселенскій соборъ, въ 325 году, оказалъ великую услугу зданію католической вѣры, опредѣливъ догматъ пресвятой Троицы и безапелляціоннымъ рѣшеніемъ утвердивъ единосущность трехъ божественныхъ лицъ; но относительно тайны воплощенія онъ не входилъ въ подробное и обстоятельное разсужденіе. Въ его изложеніи вѣры, резюмировавшемъ его работы, которое мы называемъ его символомъ вѣры, объ этомъ сказано только, „что Иисусъ Христосъ, едиnorodный Сынъ Божій, сошелъ съ неба для нашего спасенія, воплотился и вочеловѣчился, пострадалъ, былъ погребенъ и воскресъ въ третій день“. Это была, выраженная въ общей формулѣ, традиціонная вѣра большинства церквей; но эта, немного общая, формула таила въ себѣ много частныхъ вопросовъ, которыхъ Никейскій соборъ не счелъ нужнымъ и поднимать. Довольный окончаніемъ своей ближайшей и непосредственно предлагавшей задачи, онъ оставилъ своимъ преемникамъ заботу выработать другое, болѣе точное и подробное вѣроопредѣленіе о тайнѣ воплощенія,—что представлялось не менѣе важнымъ, но не менѣе и труднымъ.

Важность и потребность этого вѣроопредѣленія уже давно чувствовалась христіанскими учителями, и церковь на многочисленныхъ частныхъ соборахъ установила два предѣла для свободы мыслей. Павелъ Самосатскій въ III вѣкѣ, и Фотинъ въ IV, учили, что сынъ дѣвы Маріи былъ простой человекъ, просвѣщенный Духомъ Святымъ. Это ученіе уничтожало въ самомъ основаніи совершенное Иисусомъ Христомъ дѣло искупленія, имѣющее принципомъ своимъ жертву самаго Бога, приносящаго себя во всесоженіе для нашего искупленія: оно было вовсе нехристіанское, и потому предано было анаѣмъ соборами, какъ западными,

такъ и восточными ¹⁾. Въ IV вѣкѣ Аполлинарій Лаодикійскій, ставъ на точку зрѣнія діаметрально противоположную, утверждалъ, что Іисусъ Христосъ по существу своему былъ истинный Богъ, но не былъ истинный человекъ, — что Онъ — вѣчное Слово Божіе, воспріявшее во чревѣ Маріи плоть, но созданную изъ другихъ элементовъ, чѣмъ тѣ, изъ коихъ образована наша человѣческая природа, съ которою она имѣла сходство только кажущееся ²⁾. И это ученіе, не менѣе чѣмъ первое, уничтожало дѣйствительность искупленія, потому что для искупленія вины Адама пужно было быть въ одно и тоже время Богомъ и человекомъ; поэтому многіе соборы осудили и это ученіе, какъ еретическое. Таковы были два барьера, поставленные церковью въ качествѣ предѣловъ, за которыми ученіе переставало быть христіанскимъ. Но внутри этихъ двухъ крайнихъ предѣловъ традиціонная вѣра церкви въ божественнаго Искупителя міра царила вмѣстѣ съ большою свободою изъясненій ея, потому что ничто еще не было опредѣлено съ точностію относительно частныхъ, второстепенныхъ вопросовъ, касающихся предмета ея. Такимъ образомъ въ разсматриваемую нами эпоху проявлялось множество различныхъ мнѣній, то въ поученіяхъ епископовъ къ ихъ паствѣ, то въ изданіяхъ изложеній вѣры или символовъ, которые переходили изъ рукъ въ руки подъ именами большею частью уважаемыхъ лицъ, и гдѣ пробовали разрѣшить вопросы, волновавшіе умы. Для внимательныхъ наблюдателей было очевидно, что христіанская церковь переживала трудный процессъ рожденія, подобный тому, который она испытала при императорѣ Константинѣ и который вызвалъ на свѣтъ Никейскій соборъ.

¹⁾ Cassiod., V, 4.

²⁾ Greg. Nazianz., Ep. 1. Athanas., ad Epict.—Epiphan. Haeres, 77.—Hieron., Ep. 13 et passim.—Theodoret., V, 3.—Socr., II, 46.

Таково было положеніе вещей, когда за смертію константинопольскаго архіепископа Сисинія эта первая на востокъ епископская кафедра сдѣлалась вакантною. Сисиній былъ старецъ простой, свисходительный, и кроткій, какъ голубь ¹⁾, но слабый, болѣзненный и мало заботившійся о дѣлахъ своей церкви ²⁾. Онъ ничего не подготовилъ, чтобы облегчить дѣло избранія своего преемника. Поэтому, когда онъ закрылъ глаза, всюду обнаружился страшный безпорядокъ. Образовались враждебныя партіи, начались происки: испорченный клиръ, недостойные претенденты, не пренебрегавшіе никакими средствами развращенія избирателей, золото, разсыпавшее щедрою рукой,—все это предвѣщало благомыслящимъ людямъ одно изъ наиболѣе постыдныхъ избраній. Императоръ Θεодосій II-й и сестра его Пульхерія, принимавшая постоянное участіе въ государственныхъ дѣлахъ ³⁾, въ особенности же когда въ нихъ представлялся какой-либо религіозный интересъ, испугались того прискорбнаго результата, на который все указывало имъ какъ на вѣрный исходъ выборовъ,—и они задумали предупредить его, рѣшившись сами выбрать епископа въ другомъ мѣстѣ. Это значило сдѣлать то, что на нынѣшнемъ языкѣ мы назвали-бы *coup d'état* (государственнымъ переворотомъ), потому что избраніе епископа имѣло свои каноническіе законы, свои регламенты и свой гражданскіе обычаи. Тѣмъ не менѣе они подумали, что изъ двухъ золъ,—имѣть-ли епископа избраннаго по правиламъ, но дурнаго, или же избраннаго не по правиламъ, но хорошаго,—послѣднее было все таки предпочтительнѣе перваго. Они припомнили также, что, при подобномъ же обстоятельствѣ,

¹⁾ Concil. III. epistol. Coelestini.

²⁾ Sisinnius a negociis et rerum actionibus abhorrens. Niceph., XIV, 30.

³⁾ Смотри томъ моихъ разсказовъ изъ Римской исторіи, озаглавленный: Placidie et Fulcherie.—Le demembrement de l'Empire.

ихъ отецъ Аркадій вызвалъ изъ Антиохіи Іоанна Златоуста, чтобы сдѣлать его константинопольскимъ епископомъ ¹⁾,—и глаза ихъ невольно обратились въ эту же сторону. Въ Антиохіи въ это время между пресвитерами ея былъ одинъ ораторъ, краснорѣчіе котораго всѣ превозносили и котораго приходили слушать со всѣхъ сторонъ Востока; на немъ-то оба властителя и остановили свой выборъ,—и Θεодосій II немедленно послать ему приглашеніе—какъ можно скорѣе прибыть въ имперскій городъ, чтобы занять въ немъ вакантный епископскій престолъ. Этотъ пресвитеръ назывался Несторій ²⁾.

Несторій былъ сиріецъ, изъ той части Сиріи, въ которой протекаетъ Евфратъ и которая имѣла странное преимущество снабжать Востокъ множествомъ ересіарховъ, оттого ли, что видъ дикой и печальной природы этой страны располагалъ умы къ мечтательнымъ созерцаніямъ, или сосѣдство Аравіи, Халдеи и Персіи привносило въ нихъ такіе идеи, которыя возмущали и искажали чистоту ихъ христіанской вѣры. Онъ родился въ маленькомъ городкѣ—*Германики* ³⁾, правильнѣе называемомъ *Cesaria Germanica*, въ память великаго Германика, который нѣкогда управлялъ Сиріей. Происхожденіе его было довольно темное и даже низкое, такъ что противникъ его Кириллъ смѣло могъ сказать ему,—въ видѣ одной изъ тѣхъ теологическихъ вѣжливостей, которымъ въ полемикѣ тогдашняго времени не было недостатка,—что онъ вышелъ изъ грязи и что проис-

¹⁾ См. томъ моихъ разсказовъ изъ Римской исторіи, озаглавленный: *Saint Jean Chrisostome et l'Impératrice Eudoxie*.

²⁾ *Theodosius ex Antiochena ecclesia episcopum adducendum putavit Nestorium, nomine Germaniciae natum, dicendi quidem facultate praeditum.* Соч. III. р. 6.

³⁾ *Erat illic vir quidam, nomine Nestorius, ortus ex urbe Germanicia.* Socr., VII, 29.—*Theodoret., Haer. fab. IV, 12.*

хождение его было постыдное ¹⁾). Чтобы избѣжать лишеній, соединенныхъ съ такимъ жизненнымъ положеніемъ, Несторій рано удалился изъ отечества, прошелъ Востокъ и оставился въ Антиохіи, гдѣ принялся учиться. Онъ посѣщалъ здѣсь тѣ знаменитыя школы, изъ которыхъ выходили или языческіе риторы или христіанскіе ораторы, смотря по тому, были ли ученики ихъ крещены или нѣтъ: Несторій былъ крещенъ еще въ дѣтствѣ, и потому вышелъ изъ нихъ христіанскимъ ораторомъ. Онъ считался однимъ изъ самыхъ лучшихъ и блестящихъ воспитанниковъ той гимназій, которую основалъ Ливаній и въ которой образовался одинъ изъ величайшихъ ораторовъ христіанскихъ—Златоустъ ²⁾).

По выходѣ изъ школы, Несторій удалился въ монастырь Евпренія ³⁾, находившійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Антиохіи, чтобы тамъ въ тишинѣ уединенія изучать творенія отцовъ и приучить себя къ подвигамъ монашеской жизни: это былъ обычный въ это время искусъ для тѣхъ, которые предназначали себя служенію церкви и проповѣди; но Несторій не любилъ ни умерщвленій плоти, ни лишеній бѣдности, изъ которыхъ съ ранней поры жизни онъ вынесъ слишкомъ горькій опытъ, — и онъ поспѣшилъ отбросить ихъ далеко отъ себя, какъ только могъ это сдѣлать. Что же касается до толкованій отцовъ, то они оттолкнули его своей сухостью: живой, подвижный, но поверхностный умъ неопита вовсе былъ нерасположенъ къ продолжительнымъ и серьезнымъ работамъ; его гениемъ было ораторское искусство, по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ оно культивировалось тогда на форумахъ городовъ или въ стѣнахъ церквей. Къ тому же онъ обладалъ величавой

¹⁾ Cyrille., Homil., V, 2.

²⁾ См. въ моихъ разсказахъ изъ Римской исторіи V вѣка: Alaric, L'Agonie de l'Empire.

³⁾ Evagr., I, 7.

осанкой, полнымъ и звучнымъ голосомъ ¹⁾ и природнымъ даромъ слова; отъ природы блѣдное и сухое лицо его, свѣтлый и глубокій взглядъ придавали всей его фигурѣ нѣчто такое, что во всѣ времена считалось принадлежностію оратора. Эти внѣшнія качества рѣшили его призваніе. Серьезную и требующую терпѣнія науку онъ презиралъ, и не старался скрывать этого презрѣнія. Относительно изученія отеческихъ толкованій и каноновъ, которое съ теченіемъ времени становились все болѣе и болѣе необходимымъ, Несторій не разъ говаривалъ, что при изъясненіи св. книгъ онъ не справляется ни съ живыми, ни съ мертвыми. За то и живые ему отомстили хорошо, а умершіе еще лучше. Одинъ современный писатель обрисовываетъ его въ двухъ словахъ: „Онъ имѣлъ достаточно краснорѣчія, но мало разсудительности“ ²⁾.

По поступленіи его въ клиръ, антиохійскій епископъ возложилъ на него обязанность катехизаціи или поученія вѣрныхъ своей церкви,—должность, которую прежде занималъ Златоустъ и въ которой онъ прославился; прославился на ней и Несторій. Толпы народа тѣснились на его бесѣды, въ которыхъ бѣдность доказательствъ скрывалась подъ мѣрно произносимыми фразами и театральнымъ великолѣпіемъ его фигуры и голоса. Въ сущности, пожалуй, онъ пріобрѣлъ и заслуженный успѣхъ въ этомъ родѣ краснорѣчія—безъ противниковъ, гдѣ ораторъ принималъ въ соображеніе только себя самого: его живое воображеніе быстро схватывало предметы и выражало ихъ въ блестящихъ образахъ; но къ сожалѣнію эти успѣхи его въ краснорѣчіи научили его не сомнѣваться ни въ своихъ словахъ, ни въ своемъ знаніи. Онъ былъ уже на Востокѣ славнымъ ораторомъ, когда получилъ

¹⁾ *Vocalis et facundus Nestorius in dicendo promptus et facilis. Niceph. XIV, 31.—Sonera voce et expedita facundia: Soer., VII, 29.*

²⁾ *Marcel., Chron. an 428.*

письмо Θεодосія, приглашавшее его въ Константинополь на епископскій престолъ. Несторій охотно принялъ это приглашеніе, но, принимая его, онъ счелъ нужнымъ, для большей важности, заставить имперскій городъ и императора подождать себя. Исторія говоритъ намъ, что онъ на переѣздъ изъ Антиохіи въ Константинополь употребилъ цѣлыхъ три мѣсяца, совершая путь черезъ Малую Азію ¹⁾,—что, конечно, не былъ путь самый кратчайшій: онъ не сердился, когда ему дѣлали задержки. Во время этого путешествія онъ останавливался на нѣкоторое время въ Мопсуэтѣ, маленькомъ городкѣ, лежащемъ на восточномъ плоскогоріи Тавра: остановимся и мы немного на этомъ пребываніи его въ Мопсуэтѣ, потому что оно имѣло замѣтное вліяніе на судьбу будущаго патріарха.

Въ Мопсуэтѣ былъ тогда епископомъ лицо въ то время знаменитое, но которое исторія показываетъ намъ только въ какомъ-то таинственномъ полусвѣтѣ; онъ назывался Θεодоромъ и былъ уже въ глубокой старости, слѣпой или почти слѣпой. Съ сердцемъ самымъ прямымъ и благороднымъ, съ честностью, предъ которой преклонялись даже враги его, Θεодоръ соединялъ въ себѣ умъ оригинальный и характеръ независимый. Постоянный другъ всѣхъ угнетенныхъ, онъ нерѣдко въ этомъ качествѣ принималъ подъ свою защиту идеи, отвергаемыя большинствомъ безъ достаточнаго основанія. Обыкновенныя, ходячія мнѣнія, популярныя вѣрованія возмущали его инстинктивно. Онъ имѣлъ, если смѣемъ такъ выразиться, темпераментъ ереси, но безъ свойственной ей гордости. Мнѣніями своими онъ нисколько не тщеславился и его стремленіе къ изслѣдованію вещей останавливалось всегда на тѣхъ границахъ, ко-

¹⁾ Elapse trium mensium spatio, Nestorius Antiocha adducitur. Socr., VII 29.—Praeclerant menses tres, et ille adducitur, et episcopus constantinopolitanus creatus. Niceph., XIV, 31.—Cassiod., XII, 4.

торыя ему начертывали искреннее желаніе истины и вѣра основанная на знаніи ¹⁾). Тѣмъ не менѣе однакожь онъ былъ очень смѣлъ, чтобы не сказать—дерзко, —и современникамъ его было совершенно извинительно такъ судить о немъ; но безукоризненная честность этого челоѣка извиняла смѣлость теолога. Не смотря на частное разномысліе съ нимъ въ ученіяхъ вѣры, самые православные люди Востока уважали и любили его; Златоустъ до самой смерти своей питалъ и хранилъ сердечную признательность къ нему, за которую Θεодоръ, съ своей стороны, платилъ ему преданностію почти религіозною. Епископъ мопсуэтскій зналъ Несторію съ давнихъ поръ, какъ уроженца странъ Евфрата, и, видя его возводимого на первенствующій епископскій престолъ восточнаго христіанства, онъ откровенно говорилъ ему о своихъ мнѣніяхъ и искреннемъ желаніи своемъ видѣть ихъ принятыми знаменитыми членами епископата. Разговоръ ихъ вращался на тайнѣ воплощенія; мы не знаемъ, что они говорили между собой, но послѣдствіе показало, какое дѣйствіе произвели слова Θεодора на путешественниковъ ²⁾, потому что Несторій былъ у него не одинъ; онъ везъ съ собой изъ Антиохіи нѣсколько клириковъ, преданныхъ его особѣ, и между ними пресвитера Анастасія, котораго онъ взялъ съ собой въ качествѣ будущаго *синкелла* ³⁾). Такъ назывался въ первые вѣка церкви секретарь епископа, его обязательный совѣтникъ и повѣренный его ученій, равно какъ и его дѣйствій. Синкеллъ обыкновенно жилъ въ епископскомъ дворцѣ, чтобы епископъ всегда имѣлъ въ немъ надсмотрщика за своей дверью; нѣкоторые соборы требовали даже, чтобы синкеллъ и спалъ въ одной комнатѣ

¹⁾ Niceph., XIV, 30.

²⁾ Quo, quidem, tempore Nestorius apud Mopsuestiam congressus, cum Theodoro, audita alius doctrina, a recta pietate deflexit. Evagr., I, 2.—Niceph., XIV, 32.

³⁾ Erat familiaris Nestorii Anastasius presbyter, qui una cum illo profectus fuerat Antiocha. Socr., VII, 32.

съ своимъ епископомъ, или въ сосѣдней съ нею, чтобы этимъ отнять всякій поводъ къ клеветамъ и подозрѣніямъ на счетъ епископа.

Рукоположеніе новаго патріарха состоялось 10 апрѣля 428 года ¹⁾ въ большой константинопольской базиликѣ, въ присутствіи императора Θεодосіа II, императрицы Евдокіи, сената и многочисленнаго народа, любопытствовавшего увидѣть и послушать его. Новопоставленный архіепископъ, по обычаю и требованію того времени, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, обращаясь къ Θεодосію, съ свойственнымъ ему театральнымъ пафосомъ онъ воскликнулъ ²⁾: „Императоръ, дай мнѣ землю очищенную отъ еретиковъ,—и я воздамъ тебѣ за это небо; помоги мнѣ истребить еретиковъ,—и я помогу тебѣ истребить Персовъ“. „Нѣкоторые простые люди приняли эти произнесенныя имъ слова съ удовольствіемъ; но люди просвѣщенные, умѣвшіе по словамъ заключать о качествахъ души, были крайне удивлены ими“. Это надмѣнное и легкомысленное обращеніе показалось настолько сграннымъ въ новоприбывшемъ, что исторія сохранила и самыя буквальные выраженія его ³⁾.

Судя по горделивому и тщеславному тону этого обращенія, можно было подумать, что новопоставленный архіепископъ отнюдь не расположенъ, изъ благодарности за свое возвышеніе, подобострастно лобызать руку, его возвысившую,—что въ отношеніяхъ своихъ къ двору онъ поставитъ себя въ положеніе независимое и, если то будетъ нужно, готовъ будетъ мужественно постоять за свои принципы и убѣжденія.... Но Несторій вовсе не имѣлъ въ себѣ

¹⁾ *Ordinatus enim decimo die mensis aprilis. Cassiod., XII, 4. Socr., VII, 29.*

²⁾ *Illico coram universo populo imperatorem alloquens. Socr., VII, 29.*

³⁾ *Δός μοι, ὦ βασιλεῦς, καθάραν τὴν γῆν τῶν αἱρετικῶν, καὶ σοὶ τὸν οὐρανὸν ἀντιδῶσω· συγχάθεις μοι τὰς αἱρετικὰς καὶ σοὶ συγκαθελῶ τὰς Πέρσας. Socr. VII, 29. Niceph. XIV, 31.*

расположенія и способности быть стойкомъ, а тѣмъ болѣе мученикомъ. На другой же день по своемъ посвященіи, явившись во дворецъ, онъ представился самымъ мирнымъ и любезнымъ челоѡкомъ. Затѣмъ, онъ часто посѣщаль дворецъ и сдѣлался настоящимъ царедворцемъ, любилъ господствующую при дворѣ пышность, заискивалъ придворныхъ почестей и скоро вкрался въ довѣренность къ Θεодосію, котораго притворно считалъ за великаго богослова. Θεодосій, съ своей стороны, думалъ о себѣ, что онъ понимаетъ кое что въ богословскихъ тонкостяхъ, о которыхъ говорилъ ему архіепископъ,—и между ними образовался родъ богословскаго компромисса. Несторій понравился также и императрицѣ Евдокиѣ: онъ во многомъ напоминалъ ей тѣхъ блестящихъ риторовъ и софистовъ, которыми она такъ восхищалась въ дѣвичество; но строгая Пульхерія наблюдала за нимъ не безъ нѣкотораго безпокойства и выжидала времени, чтобы лучше его узнать, прежде чѣмъ полюбить или возненавидѣть.

Но если тонъ, какимъ произнесены были Несторіемъ слова обращенныя къ императору, оказался фальшивымъ, то прямой смыслъ этихъ словъ, указывавшій на задуманное имъ преслѣдованіе еретиковъ, скоро оправдался на самомъ дѣлѣ. Не прошло и пяти дней со времени вступленія Несторія на епископскій престолъ, какъ онъ открылъ гоненіе противъ неправославныхъ общинъ, терпимыхъ его предшественниками и самимъ Θεодосіемъ великимъ въ царствующемъ городѣ, или по крайней мѣрѣ въ его округѣ. Онъ началъ съ аріанъ, которые въ силу договора, заключеннаго между Аркадіемъ и вождемъ соединенныхъ готовъ Гайнасомъ, имѣли за стѣнами города часовню, въ которой собирались на молитву и отправляли свои службы. Несторій, самовластно, отдалъ приказъ немедленно ее разрушить. Аріане оказали сопротивленіе, силились защитить ее, но когда силою были выгнаны изъ нея, то съ отчаянія сами

подожгли ее. Пожаръ распространился отъ нея на городъ и истребилъ цѣлый кварталъ ¹⁾).

Раздѣлавшись съ аріанами, архіепископъ предпринялъ походъ противъ другихъ еретиковъ; для этого онъ добился изданія новыхъ законовъ противъ ересей или возобновленія старыхъ, вышедшихъ изъ употребленія. Такимъ образомъ, ссылка, конфискація имущества, заключеніе въ тюрьму, лишеніе гражданскихъ правъ, инквизиторскій надзоръ,—все это было примѣнено имъ къ многочисленнымъ общинамъ, о которыхъ законъ, казалось, совсѣмъ забылъ въ продолженіи полвѣка. Евноміане, валентиніане, монтанисты, мессалиане, маркиониты и многіе другіе еретики подверглись проскрипціи); не было ни одной секты,—не исключая даже и такой невинной секты, какъ секта четырнадцатниковъ, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они по примѣру іудеевъ, праздновали пасху на четырнадцатый день нисана,—которая не стала бы жертвою ревности новаго патріарха. Преслѣдуемые сопротивлялись; нѣкоторые изъ нихъ взились за оружіе и кровь полилась во многихъ городахъ Востока ²⁾).

Какая была цѣль у Несторія возжечь эти учасшіе факелы? Желалъ-ли онъ этимъ снискать себѣ благорасположеніе Пульхеріи, которой религиозныя гоненія, казалось ему, не были не по сердцу, или же онъ хотѣлъ показать этимъ константинопольскому народу, что ихъ новый пастырь одушевленъ такою ревностію о православіи, какой не знали его предшественники? Вѣроятно объ эти причины входили въ его расчетъ, который однакожъ не имѣлъ у-

¹⁾ Quinto igitur post ordinationem suam die, ecclesiam Arianorum subvertare aggressus, eos ad desperationem coegit. Nam cum ecclesiam suam everti cernerent, ipsi injecto igne eam combusserunt. Porro ignis contiguas etiam domos absumpsit. Socr., VII, 29.

²⁾ Cod. Theodos. VI, p. 189 et sq.—Socr., VII, 29.

³⁾ Innumeris bellis ecclesiam replevit civili sanguine eam inundans. Evagr., I, 2. Socr., VII, 29. 31.

пѣха.—Укорь, косвенно направленный имъ противъ доброй памяти прежнихъ архіеписконовъ и достигавшій даже до Златоуста, глубоко оскорблялъ чувства константинопольской паствы и возбуждалъ негодованіе. Не менѣе возмутительнымъ и изумительнымъ представлялось гражданамъ Константинополя и то, что едва только прибывши въ имперскій городъ и, по греческой пословицѣ, воспроизведенной однимъ современникомъ, „едва узнавши вкусъ воды изъ его фонтановъ“ ¹⁾, онъ уже возбудилъ гражданскую войну на его улицахъ. Народъ прозвалъ его поджогаю ²⁾, и много искреннихъ христіанъ открыто отреклись отъ него. „Не въ этомъ состоитъ духъ религіи, говорилъ по этому поводу историкъ Сократъ; подобнымъ образомъ дѣйствій дѣлаютъ ее только ненавистною“. Одинъ писатель, въ православіи котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія, Кассіанъ, придаетъ этой чрезмѣрной ревности проницескій смыслъ: „Несторій, говоритъ онъ, заблаговременно принялъ мѣры, чтобы не существовало на свѣтѣ другихъ ересей, кромѣ его собственной“ ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, ересь его разразилась какъ громовой ударъ, прежде чѣмъ кто либо приготовился къ ней.

II.

Однажды, синкеллъ Несторія, пресвитеръ Анастасій говорилъ поученіе къ народу въ присутствіи самаго патріарха, и вдругъ, остановившись на минуту, какъ бы для того, чтобы сдѣлать своимъ слушателямъ нѣкое важное предостереженіе, сказалъ: „остерегайтесь называть Дѣву Марію матерью Божіей, *Богородицей* (Θεοτόκην); Марія была человѣкъ, а отъ человѣка не можетъ родиться Богъ“ ¹⁾. При этихъ

¹⁾ Et antequam ipsam, ut vulgo dicitur, civitatis delibasset aquam, acerrimum se persecutorem ostenderet. Socr., VII, 29.

²⁾ Exinde incendiarum, (πυρκαϊάν) cum vocarunt. Socr., VII, 29.

³⁾ Cassien. „De Incarnatione contra Nestorium“.

¹⁾ Hic igitur Anastasius quodam die, cum in ecclesia doceret, dixit haec verba: Nemo Mariam vocet Deiparam (Θεοτόκην). Maria enim homo fuit. Ex homine Deus nasci non potest. Socr., VII, 32.—Evagr., 1, 2.

словахъ, рѣзко противорѣчившихъ вѣрѣ и ученію константинопольской церкви, между слушателями поднялся сильный шумъ до такой степени, что архіепископъ долженъ былъ встать съ своего мѣста, чтобы защитить своего катехизатора. „Анастасій, сказалъ онъ, правъ; не нужно болѣе называть Маріи Матерью Божіей, *Богородицей*; она мать только человѣка, *человѣкородница* (*ἀνθρωποτόκος*)“¹). Эта сцена была завѣдомо напередъ подготовлена между патріархомъ и синкелломъ, и выраженія, употребленныя ими, также заранѣе были условлены между ними; но не смотря на то, слова, произнесенныя патріархомъ, произвели только то, что собраніе, окончательно возмущенное ими, поднялось съ мѣстъ и съ шумомъ вышло изъ церкви²). Впродолженіи всего вечера и слѣдующихъ дней въ цѣломъ городѣ только и было рѣчи, что о сценѣ происшедшей въ церкви и объ ученіи, которое проповѣдывалъ новый архіепископъ. Сильное волненіе обнаруживалось во всемъ народѣ, и въ средѣ мірянъ не менѣе, какъ и въ клирѣ. Много говорилось объ этомъ и въ императорскомъ дворцѣ; друзья Несторія стали беспокоиться; они дали ему почувствовать необходимость категорическаго объясненія предъ собраніемъ народа, чтобы избѣжать недоразумѣній и съ точностью опредѣлить почву, на какой стояли съ той и другой стороны. Несторій общалъ это сдѣлать, и такъ какъ приближалось 25 декабря, праздникъ Рождества Христова, то онъ и отложилъ свои объясненія на этотъ великій день: болѣе удобнаго времени для изъясненія догмата воплощенія нельзя было и выбрать.

Двадцать пятаго декабря весь городъ отправился въ соборъ, сенаторы, пресвитеры и народъ. Архіепископъ, въ

¹) Cum ergo hoc de re tumultus, in ecclesia ortus esset, Nestorius dictum Anastasii confirmare studens, Soer., VII, 32.—Iis auditis cum populus Dei graviter commotus esset, et sermonem illum, uti par erat, blasphemiam duceret, Nestorius auctor illius blasphemiae, non modo Anastasium non prohibuit, nec rectae sanaeque doctrinae patrocinium suscepit. Evagr., 1, 2.

проповѣди своей на этотъ день, говорилъ сначала о Провидѣніи и невыразимыхъ предначертаніяхъ Божіихъ относительно человѣка, творенія Его рукъ. Онъ напомнилъ о преступленіи нашихъ прародителей, объ осужденіи, которому за это преступленіе подвергся весь родъ человѣческій, и необходимости выкупа, чтобы избавить его отъ грѣха и смерти. Затѣмъ, подошедши такимъ образомъ къ прямому предмету своей рѣчи, онъ воскликнулъ: „Меня извѣстили недавно, что многіе изъ васъ желали бы узнать отъ меня, какъ слѣдуетъ называть Дѣву Марію—матерію Божіей, или матерію человѣка, Богородицей, или человѣкородицей. Тѣ, которые просили меня объ этомъ, да соблаговолятъ теперь выслушать мой отвѣтъ. Говорить, что Слово Божіе, второе лицо Пресвятой Троицы, имѣло мать, не значитъ ли это оправдывать безуміе язычниковъ, которые даютъ матерей своимъ богамъ? Отъ плоти можетъ родиться только плоть, и Богъ, какъ чистый духъ, не могъ быть рожденъ женщиною; созданіе не могло родить Создателя“. Въ подтвержденіе своего тезиса, что Иисусъ, рожденный отъ Маріи, былъ человѣкъ, онъ привелъ слова Апостола Павла: „Черезъ чловѣка смерть и черезъ чловѣка воскресеніе“; за тѣмъ еще другое мѣсто изъ того же самого апостола о Спасителѣ міра: „Безъ отца, безъ матери, безъ родословной“.—„Утверждать противоположное, прибавилъ Несторій, это значитъ увѣрять, что св. Павелъ сказалъ неправду. Нѣтъ, Марія не родила Бога, совершившаго наше искупленіе, и Св. Духъ не образовалъ божественное Слово, такое же какъ и Онъ лицо Св. Троицы. Марія родила только чловѣка, въ которомъ воплотилось Слово; она родила чловѣческое орудіе нашего спасенія. Слово приняло плоть въ смертномъ чловѣкѣ, но само оно не умирало, а напротивъ воскресило и того, въ комъ воплотилось. Но и Иисусъ, рожденный Маріею, тѣмъ не менѣе и для меня есть въ нѣкоторомъ смыслѣ Богъ, потому что онъ вмѣщаетъ въ себѣ Бога. Я почитаю храмъ ради обитающаго въ немъ; я чту носимое (одежду) ради носящаго;

почитаю видимаго (человѣка) ради сокрытаго въ немъ невидимаго (Бога). Я не отдѣляю Бога отъ видимаго (Иисуса); не раздѣляю чести Нераздѣляемаго; раздѣляю естество, но соединяю поклоненіе ¹⁾“.

Такова была, въ краткомъ очеркѣ, эта первая бесѣда Несторія, какъ онъ самъ опубликовалъ ее. Въ ней видно больше діалектической тонкости разсудка, чѣмъ глубины разума. Въмѣсто того, чтобы изслѣдовать возвышенный смыслъ тайны воплощенія, онъ ограничивается одними противоположеніями словъ, одною антитезою понятій: творца и твари, духа и плоти, безконечнаго и конечнаго,—и заключившись безвыходно въ этой формальной противоположности понятій, только то и дѣло, что повторяетъ и утверждаетъ одно и тоже безвыходное положеніе разсудка: творецъ не можетъ родиться отъ своей твари, духъ—отъ плоти, безконечное отъ конечнаго. Если Несторій, какъ это полагаютъ, заимствовалъ свои идеи отъ Θεодора монсуетскаго, то онъ или не понималъ этого ученаго богослова, или изъ всѣхъ его разсужденій удержалъ въ себѣ одну только критику словъ, доступную для обыкновенныхъ умовъ. Θεодоръ безъ сомнѣнія представлялъ другія, болѣе глубокія и вѣскія, основанія для того, чтобы оспаривать ходячее толкованіе догмата воплощенія. Такой провицательный и ученый, каковы его намъ рисуютъ, онъ долженъ былъ войти въ самую положительную сущность этой великой тайны, въ самую, если смѣю такъ выразиться, философскую идею ея, чтобы найти для нее другую, болѣе точную формулу. Онъ долженъ былъ, кромѣ того, въ своихъ разсужденіяхъ опираться на авторитетъ отцовъ или наведенія, извлеченныя изъ св. книгъ. Несторій все это игнорировалъ и выбралъ только такія вещи, которыя способны поражать умы обыкновенные, ограничи-

¹⁾ Mercator., II. p. 5. 39 et sq. Concil. III. см. извлеченія изъ бесѣдъ Несторія.

вающіеся общими формальными понятіями ¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить однако, что Несторій въ этой бесѣдѣ своей еще не переступалъ за предѣлы христіанской вѣры, и въ сущности былъ или представлялся еще христіаниномъ, потому что, въ отличіе отъ Павла Самосатскаго, который считалъ Иисуса, Сына Маріи, только великимъ пророкомъ, онъ признавалъ въ Иисусѣ присутствіе Слова Божія, второй ипостаси Св. Троицы. Но въ тезисѣ, защищаемомъ Несторіемъ, важнѣйшій вопросъ, требовавшій рѣшенія, состоялъ въ опредѣленіи времени, когда Слово Божіе воплотилось въ Иисусѣ; потому что, если это не произошло ни во время зачатія, ни даже во время рожденія Иисуса, то какой же періодъ жизни нужно было выбрать для этого? Архіепископъ долго отказывался объясниться на счетъ этого затрудненія, и когда однажды въ дружескомъ спорѣ, подстрекаемый горячностью состязанія, онъ это сдѣлалъ, его отвѣтъ погубилъ его.

¹⁾ Авторъ, какъ видно, по вопросу о происхожденіи ученія Несторія о лицѣ І. Христа, склоняется къ той мысли, что оно внушено было Несторію Феодоромъ моисеутскимъ. Не отрицая доли правды въ этомъ мнѣніи, мы не лишимъ считаемъ въ дополненіе его замѣтить, что настоящій родникъ, изъ котораго вышло это ученіе, срывается гораздо глубже и дальше,—и именно—въ томъ *особенномъ направленіи* христіанскаго богословія на греческомъ Востоцѣ, изъ котораго послѣдовательно одно за другимъ, въ видѣ *крайностей*, возникали и многія другія, родственныя ему по духу и мѣсту родины, еретическія ученія о лицѣ І. Христа (Павла Самосатскаго, Арія, Евномія...), и которое извѣстно подъ именемъ *антиохійскаго*. Характеристическая черта его состояла въ томъ, что, въ отпоръ сирійскимъ гностикамъ—докетамъ, оно обращало вниманіе преимущественно на естественную, историческую сторону Божественнаго Откровенія,—въ лицѣ І. Христа—на его истинное человѣческое естество, въ св. Писаніи—на его прямой, буквальный и историческій смыслъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно развивало и изощряло преимущественно тѣ качества и пріемы мысли, которыя необходимы для познанія этой стороны—анализъ и критику. Въ отличіе отъ другаго современнаго ему направленія богословія *созерцательнаго—традиціоннаго* (александрійскаго), его можно бы назвать—разсудительнымъ или *разсудочнымъ*. Не сдерживаемое въ предѣлахъ вѣры, оно переходило въ *раціоналистическое*. *Примѣч. переводчика.*

Но въ этомъ словоизентіи своемъ, какъ мы сказали, Несторій имѣлъ чѣмъ прельстить умы поверхностные: такъ и случилось. Слушатели Несторія раздѣлились: одни одобряли его, другіе осуждали ¹⁾. Нужно со всею живостью воображенія перенестись въ тѣ времена глубокаго религіознаго убѣжденія, чтобы понять, какое глубокое потрясеніе могли производить въ христіанскихъ умахъ такіа проповѣди, которыя, изгоняя изъ живаго языка вѣры какое либо священное слово или выраженіе, угрожали разрушеніемъ всего зданія традиціонной вѣры. Каждый пускался въ разсужденія, всякій хотѣлъ въ границахъ своихъ понятій изслѣдовать эту самую неисповѣдимую тайну христіанской вѣры; спорили повсюду, въ церквахъ, въ домахъ, на улицахъ. Четыре другія бесѣды, которыя патріархъ произнесъ въ добавокъ къ первой бесѣдѣ своей для объясненія своего ученія, но которыя не привнесли ничего новаго для его разъясненія и доказательства, время отъ времени только поддерживали и усиливали это воспламенѣніе умовъ. „Какъ это бываетъ въ ночныхъ битвахъ, гдѣ каждый бьетъ на удачу и не знаетъ ни кого онъ ранитъ, ни кто его ранитъ, такъ точно и въ то время, говоритъ историкъ Сократъ, очевидецъ этихъ событій, каждый спорилъ на удачу, говорилъ то такъ, то иначе, утверждалъ и отрицалъ въ одно и тоже время одно и тоже ²⁾“. Споры, при свойственной восточнымъ людямъ пылкости, не всегда ограничивались одними словами: нерѣдко происходили драки и лилась кровь.

При видѣ того, какъ мало сочувствія и довѣрія находило себѣ въ константинопольскомъ народѣ слово его пастыря, какъ проповѣдуемое имъ ученіе, не смотря на неоднократно повторительныя изъясненія, возбуждало въ народѣ

¹⁾ Proinde cum haec questio ab aliis aliter excepta esset, dissidium ortum est in ecclesia. Socr., VII, 32.—

²⁾ Ac veluti in nocturna quadam pugna temere dimicantes modo haec modo illa dicebant, idem affirmantes pariter et negantes. Socr., VII, 32.

одни споры и пререкавія, Несторій, не любившій противорѣчій себѣ, началъ приходить въ раздраженіе, выражавшееся въ жестокихъ выговорахъ, какіе онъ дѣлалъ иногда своимъ пасомымъ за ихъ сомнѣнія въ истинѣ его ученія. „Я замѣчаю въ нашемъ народѣ, говорилъ онъ однажды съ церковной кафедрѣ, великую привязанность къ вѣрѣ и горячую ревность къ благочестію; но онъ такъ малосвѣдущъ, такъ невѣжественъ въ догматахъ вѣры...; удивительно ли, что онъ часто впадаетъ въ заблужденія. Впрочемъ, быть можетъ, онъ самъ и невиноватъ въ этомъ; но, какъ бы выразиться по приличію?—видно пастыри и учителя его не имѣли свободнаго времени сообщить ему точнѣйшихъ понятій объ ученіи вѣры“ ¹⁾. Эта язвительная козкость, косвенно направленная и на предшественниковъ архіепископа, прямо падала на константинопольскій клиръ и задѣла его за живое. Обвиненный такъ публично и торжественно въ невѣжествѣ и нерадѣніи, онъ счелъ своимъ долгомъ отвѣчать на это обвиненіе также публично, противопоставивъ традиціонное ученіе своей церкви новизнамъ, проповѣдываемымъ Несторіемъ. Это была война возгорѣвшая въ самомъ алтарѣ церковномъ, между епископомъ и его пресвитерами, война публичная, въ которой вѣрные приглашались быть судьями. Въ рядахъ константинопольскаго клира былъ въ это время одинъ титулярный епископъ, по имени Проклъ; онъ то и былъ выбранъ сослужителями своими, чтобы выступить передовымъ бойцомъ и поднять знамя церковнаго преданія противъ новатора ²⁾.

Выборъ былъ вполне удаченъ. Дитя константинопольской церкви и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ приближенный къ особѣ Златоуста и нѣжно любимый имъ слуга его ³⁾ или домашній чтецъ, Проклъ былъ измлада напитанъ его настав-

¹⁾ Mercator., II. p. 8.—Concil. III.

²⁾ Homilia Procli episcopi Cyzisi. Concil. III. p. 10.

³⁾ Μόνιμος φίλος τοῦ πατρὸς Χρυσόστομος. Niceph. II, 38.

леніями; въ немъ видѣли живое олицетвореніе того преданія вѣры, которое поручено ему защищать.—Прокль ничего не зналъ и не любилъ въ мірѣ, какъ только свою церковь; она была для него и отчимъ домомъ и отчествомъ; рукоположенный Сисиніемъ въ епископа одного города на Востокѣ, Кизики, онъ не имѣлъ расположенія добиваться занятія этой кафедрой, предупредительно замѣщенной другимъ лицомъ (Далмаціемъ),—и охотно оставался въ должности простаго пресвитера въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ при Златоустѣ, слязая поученіями въ церквахъ константинопольскихъ ¹⁾). Промысль Божій вознаградила его за неизмѣнную вѣрность къ этому великому человѣку: взошедши на тотъ же самый епископскій престолъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ нами событій, онъ удостоился высокой чести возратить изъ изгнанія смертные останки этого высокочтимаго отца и собственными руками положить ихъ въ усыпальницу константинопольскихъ архіепископовъ ²⁾).

Для публичной защиты и разъясненія традиціоннаго ученія своей церкви, Прокль выбралъ одинъ изъ праздниковъ Богородицы,—какой именно въ точности неизвѣстно ³⁾). „Нынѣшнее собраніе наше въ честь пресвятой Дѣвы вызываетъ меня сказать ей слово похвалы, полезное и для пришедшихъ на это церковное торжество, такъ началъ онъ свою бесѣду,—и первое же произнесенное имъ слово похвалы Маріи Дѣвѣ было наименованіе ея *Богородицею*, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ излившихся изъ полноты возбужденнаго религіознаго чувства поэтическихъ образовъ, выражающихъ мысль этого слова. „Нась собрала здѣсь свягая Богородица Дѣва Марія: чистое сокровище дѣвства, мысленный рай втораго Адама, гдѣ совершилось единеніе естество,

¹⁾ Socr., VII, 28.

²⁾ Socr. VII, 45.

³⁾ Вѣроятнояе всего празднижъ Благовѣщенія. (Примѣч. переводчика)

гдѣ утвердился совѣтъ о спасительномъ примиреніи; чертогъ въ которомъ Слово уневѣстило себѣ плоть; одушевленная купина, которую не опалилъ огонь божественнаго рожденія легкое облако, носившее съ тѣломъ Возсѣдѣющаго на херувимахъ; орошенное небеснымъ дождемъ чистѣйшее руно, изъ котораго Пастырь сдѣлалъ одежду для овцы; раба и мать Бога, дѣва и небо...; кто видѣлъ, кто слышалъ, чтобы обиталъ во чревѣ безпредѣльный Богъ, котораго небеса не вмѣщаютъ“!

Вслѣдъ за этимъ торжественно—пѣсеннымъ величаніемъ Дѣвы Маріи Богородицею, переходя въ болѣе спокойный тонъ богословскаго разсужденія, Прокль направилъ свою бесѣду къ тому, чтобы доказать, что такое величаніе исполнѣ и повѣстнѣ благоприлично ей, потому что зачавшійся въ ея дѣвственной утробѣ и родившійся изъ нея былъ не простой человѣкъ, достигшій соединенія съ Богомъ, а самъ Богъ, вселившійся въ утробу Дѣвы и пріившій въ ней образъ человѣка. „Мы вѣруемъ, что Іисусъ Христосъ не черезъ постепенное восхожденіе къ Божественному естеству сдѣлался Богомъ, но, будучи Богомъ, по своему милосердію сдѣлался человѣкомъ. Не говоримъ: человѣкъ сдѣлался Богомъ; но исповѣдуемъ, что Богъ воплотился и вочеловѣчился. Рабу свою избралъ для себя въ мать Тотъ, кто по существу своему не имѣетъ матери, и кто, являясь по божественному домостроительству на землѣ въ образѣ человѣка, не имѣетъ здѣсь отца“.—Поднявшись такимъ образомъ на самыя высоты богословія, Прокль, послѣдовательнымъ рядомъ доводовъ, старался выяснитъ своимъ слушателямъ спасительную силу этой непостижимой для ума тайны Богочеловѣченія и показать ея причину.—„Родъ человѣческій, говорилъ онъ, грѣхами своими вошелъ въ большіе долги. Всѣ люди въ Адамъ дали на себя рукописаніе въ грѣхъ и сдѣлались чрезъ это рабами діавола; употребляя немощное наше тѣло какъ рукописаніе, діаволъ постоянно напоминалъ намъ, что мы сами себя продали ему,

указывалъ на этотъ долгъ и требовалъ съ насъ уплаты за него. Вслѣдствіе этого надлежало быть одному изъ двухъ: или всѣмъ подвергнуться осужденію смерти, потому что всѣ согрѣшили, или для искупленія нашего должна быть дана такая цѣна, которою бы все требованіе уплачивалось сполна. Но никакой человѣкъ не могъ уплатить этого долга за всѣхъ, потому что самъ черезъ грѣхъ былъ въ этомъ долгу; не могъ искупить человѣческаго рода и никакой ангелъ, потому что и онъ не могъ найти столь великой платы. Оставалось одно только средство для уничтоженія зла: нужно было, чтобы самъ Богъ, непричастный грѣху, умеръ за согрѣшившихъ. Но Богъ въ одномъ только божественномъ естествѣ своемъ не могъ пострадать и умереть. Поэтому для искупленія людей нужно было, чтобы Богъ сдѣлался человѣкомъ и предалъ самого себя безгрѣшнаго на смерть для искупленія отъ смерти насъ грѣшныхъ,—чтобы Онъ сталъ вмѣстѣ и нашею жертвою, закалаемою за грѣхи наши, и нашимъ первосвященникомъ, могущимъ ходатайствовать за насъ передъ Отцомъ своимъ и принести Ему жертву за насъ столь же великую, какъ Онъ Самъ.—Итакъ знай іудей, что Искупитель нашъ Іисусъ Христосъ родившійся отъ Дѣвы Маріи, не былъ простой только человѣкъ; но и не Богъ только, какъ хочешь этого ты, Манихей;—Онъ былъ Эммануилъ, Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, безъ всякаго сліянія естествъ, Богъ сдѣлавшійся человѣкомъ безъ всякаго измѣненія божественнаго и человѣческаго естества. Но, признавая въ Немъ два естества, ты не раздѣляй въ Немъ соединенія, подобно Арію разсѣкшему Его существо на два; не отдѣлай Іисуса, сына Маріи, отъ Слова, Сына Божія, чтобы тебѣ самому не быть отдѣленнымъ отъ Бога. Если бы Христосъ былъ кто либо особый, и Богъ Слово особый, то была бы достойна поклоняема уже не Троица, а четверица ¹⁾“.

1) Вся эта бесѣда Прокла помѣщена во главѣ актовъ 3-го вселенскаго Собора.

Эта бесѣда Прокла вызвала единодушныя рукоплесканія слушателей и осталась знаменитою въ древности, какъ самое ясное и точное выраженіе догмата воплощенія, какое только мы имѣемъ. Церковные храмы въ тѣ времена были не только домами общественнаго богослуженія и молитвы, но и открытыми поприщами для религіозныхъ преній, гдѣ одни ораторы отвѣчали другимъ ораторамъ, вступали въ состязаніе и борьбу, а присутствующая публика, то одобреніемъ, то ропотомъ, выражала испытываемыя ею чувства. Когда Проклъ окончилъ свою бесѣду, Несторій поднялся съ своего мѣста, чтобы отвѣчать ему; скорописцы сохранили намъ эту его реплику: она походить на все то, что онъ говорилъ и прежде. Какъ и всегда, онъ старался доказать, что отнюдь не должно говорить ни того, что Слово родилось отъ дѣвы, ни того, что оно умерло, а только, что оно было соединено съ тѣмъ, кто родился и умеръ; равнымъ образомъ онъ не можетъ допустить и того, чтобы говорили, что Богъ сдѣлался нашимъ первосвященникомъ: это значитъ не имѣть должнаго уваженія къ всемогуществу Божию. Но такъ какъ Проклъ очевидно возбудилъ къ себѣ живыя и искреннія симпатіи слушателей, то архіепископъ воздержался отъ прямого и рѣшительнаго нападенія на него. „Я сказалъ бы объ этомъ предметѣ и побольше, прибавилъ онъ оканчивая свою рѣчь; но я хорошо вижу, что здѣсь воображаютъ, будто я хочу стѣснять свободу другихъ и противостать ученію учителей церкви ¹⁾“. Позднѣе онъ объявилъ себя смертельнымъ врагомъ своего противника, трактуя его какъ еретика и безумца.

Митрополитанскій клиръ такимъ образомъ заявилъ свой протестъ; вслѣдъ затѣмъ и міряне не замедлили заявить свой. Однажды, когда Несторій проповѣдывалъ о томъ же самомъ предметѣ, одинъ изъ присутствовавшихъ въ церкви

¹⁾ Mercat. II. p. 27.

всталъ и твердымъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова: „то что мы слышимъ здѣсь, есть ложь и богохульство; истина та, что тоже самое Слово Божіе, которое предвѣчно родилось отъ Отца, вторично во времени родилось по плоти отъ жены, чтобы совершить наше искупленіе“, —и сказавъ это, тотчасъ вышелъ изъ церкви, какъ бы не желая болѣе, чтобы слухъ его осквернялся богохульствами епископа. Възбѣшенный этими словами, епископъ преслѣдовалъ его ругательствами въ то время, когда онъ уходилъ, называя его сплетникомъ, невѣждою и негодяемъ ¹⁾. Это былъ одинъ константинопольскій адвокатъ, хорошо извѣстный городу своими богословско—экзегетическими занятіями, равно какъ и горячею ревностію о православіи; онъ назывался Евсевіемъ. Изученіе твореній отцовъ и церковныхъ каноновъ занимало его по крайней мѣрѣ столько же, сколько и изученіе гражданскаго права, которое онъ по своей должности обязанъ былъ объяснять передъ судьями, —и какъ юристъ, онъ расположенъ былъ вносить и въ религіозныя пренія тотъ же духъ крѣкотворства и упрямства, которымъ отличался въ званіи адвоката. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ честный и праводушный ²⁾. Если онъ питалъ въ своей душѣ честолюбивое желаніе перемѣнить общественное свое положеніе, то онъ достигъ этого совершенно, выступивъ въ открытую борьбу противъ архіепископа: спустя немного времени послѣ этого, одинъ городъ Фригіи, восхищенный его мужествомъ, избралъ его своимъ епископомъ. Городъ этотъ назывался Дориля, и Евсевій вѣроятно былъ родомъ оттуда. Впослѣдствіи мы увидимъ, что онъ будетъ играть большую роль на соборахъ въ этомъ новомъ санѣ своемъ

1) Cyril., in Nest., I, 5.—Mercator. II. p. 12.

2) Eusebius Dorylaei episcopus qui jam pridem, dum rethor esset, impietatem Nestorii primus coarguerat. Evagr., 1. 2.—Eusebius, qui primus Nestorii vesaniam deprehendit atque redarguit, artis rethoricae peritus erat. Niceph., XIV, 47.—

и новомъ одѣяніи; но прежній челоувѣкъ не измѣнится въ немъ,—и Евсевій всегда будетъ носить съ собою духъ и привычки прежней своей профессіи.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой сцены въ церкви, на стѣнахъ Константинополя прибыто было „объявленіе“; оно начиналось слѣдующими словами: „Во имя пресвятой Троицы заклинаю всякаго, кто будетъ читать эту хартію, доводить ее до свѣдѣнія епископовъ, пресвитеровъ, діаконівъ, чтецовъ и мірянъ, живущихъ въ этомъ городѣ, и давать имъ копіи съ нея, въ доказательство того, что еретикъ Несторій имѣетъ одинаковыя мысли съ другимъ еретикомъ, Павломъ Самосатскимъ, преданнымъ анаѳемѣ православными епископами назадъ тому сто шестьдесятъ лѣтъ. Вотъ ихъ ученіе“. Слѣдовала параллель обоихъ ученій, составленная изъ выдержекъ изъ рѣчей перваго и книгъ втораго. Объявленіе кончалось такъ: „Кто осмѣлится говорить, что иной есть Сынъ едиnorodный, прежде всѣхъ вѣковъ рожденный отъ Отца, и иной есть сынъ родившійся отъ Маріи Дѣвы, и не одинъ и тотъ же есть Господь Іисусъ Христосъ, тотъ анаѳема да будетъ ¹⁾“. Оно возбудило сильнѣйшее волненіе въ городѣ; его передавали изъ рукъ въ руки, и скоро узнали, что оно было произведеніемъ того же адвоката Евсевія, который такъ рѣзко прервалъ архіепископа въ храмѣ св. Софіи ²⁾. Это было ни болѣе, ни менѣе, какъ формальное обвиненіе Несторія въ ереси. Но, если обвиненіе съ точки зрѣнія общественной вѣры, въ сущности, было и справедливо, то все же сравненіе Несторія съ Павломъ Самосатскимъ не было ни вполне искренно, ни точно; такъ судили объ этомъ и въ то время люди добросовѣстные и безпристрастные, даже изъ самихъ неблагорасположенныхъ къ Несторію.

¹⁾ Concil. III.

²⁾ Leont. Bysant. in Nestorium; Mercator. II. p. 16.

„Я внимательно прочиталъ сочиненія Несторія, писалъ по этому поводу современный историкъ Сократъ, и буду говорить о немъ справедливо; свободный отъ всякаго чувства непріязни къ нему, равно какъ и отъ желанія угодить кому либо, я выскажу все то, что нашелъ въ его сочиненіяхъ. Я того мнѣнія, что Несторій не подражалъ ни Павлу Самосатскому, ни Фотину, и вовсе не называлъ Господа простымъ человѣкомъ. Одно слово „*Богородица*“ пугало его, какъ привидѣніе пугаетъ ребенка, и это произошло отъ крайней его неучености (*ἀρρητις*). Будучи отъ природы краснорѣчивъ, онъ вообразилъ себя и ученымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ былъ вовсе неученъ, да и не хотѣлъ изучать книгъ древнихъ толковниковъ. Ослѣпленный даромъ своего слова, онъ не оказывалъ никакого вниманія къ древнимъ, ставя себя самаго выше всѣхъ. Еслибъ онъ зналъ древнія книги, то зналъ бы, что въ древнихъ спискахъ соборнаго посланія Іоаннова написано было: „всякій духъ, который отдѣляетъ Іисуса отъ Бога, не отъ Бога“ ¹⁾, и что это изрѣченіе въ послѣдствіи изглажено было въ большей части древнихъ списковъ еретиками, хотѣвшими отдѣлить въ Іисусѣ Христѣ божество отъ человѣчества. Онъ долженъ бы знать также и то, что древніе отцы не сомнѣвались называть Марію Богородицею,—напр. Евзевій Панфиловъ въ третьей книгѣ о жизни Константина говоритъ, что мать этого императора, украсила Вифлеемскую пещеру—мѣсто рожденія Эммануила Дѣвою *Богородицею* дивными памятниками ²⁾; а Оригенъ, въ толкованіяхъ своихъ на посланіе къ Римлянамъ, подробно изслѣдовалъ и объяснилъ, по-

¹⁾ Primam igitur ignoravit, in catholica Ioannis epistola ita scriptum esse in antiquis exemplaribus: omnis spiritus, qui Iesum a Deo separat, non est ex Deo. Socr., VII, 32.

²⁾ Idcirco Deo carissima Helena Augusta Deiparae virginis partum eximis monumentis ornavit, sacram illam speluncam omni cultus genere illustrans. Socr., VII, 32.

чему она называется Богородицею. Итакъ Несторій, очевидно, не зналъ ни этихъ, ни другихъ древнихъ сочиненій, и возсталъ, какъ я сказалъ, противъ одного имени. Но что онъ не называлъ Христа простымъ человѣкомъ, подобно Павлу Самосатскому, это показываютъ всѣ изданныя имъ бесѣды его, въ которыхъ онъ нигдѣ не уничтожаетъ ипостаси Бога Слова, но вездѣ исповѣдуетъ Его ипостаснымъ и сущимъ¹⁾“. Сужденія о Несторіѣ, какъ видимъ, были очень различны; но непріязненныя къ нему чувства выражались все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ, и мысль предать архіепископа суду приходила многимъ въ голову. Между тѣмъ онъ гордо стоялъ на своемъ, отражая всѣ нападенія: духъ системы сдѣлалъ его неуступчивымъ, а борьба — жестокимъ.

Собравши вокругъ себя нѣсколькихъ, проѣздомъ бывшихъ въ Константинополѣ, епископовъ, онъ составилъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ собора, рѣшеніями котораго и прикрывался, когда хотѣлъ наказать того или другаго изъ своихъ пресвитеровъ. Такимъ способомъ онъ отрѣшилъ отъ должныхъ или изгналъ самыхъ горячихъ, не смѣя однакоже коснуться Прокла, стоявшаго подъ покровомъ общаго народнаго уваженія. Тѣ изъ пресвитеровъ, которые не хотѣли постыдно склоняться подъ этимъ жестокимъ пастырскимъ жезломъ, выбирали для себя скромныя церкви и часовни, гдѣ, вдали отъ надзора епископа, поучали своихъ вѣрныхъ совѣтъ иначе, чѣмъ того желалъ Несторій. Узнавши, что одно изъ такихъ собраній происходило въ одной маленькой церкви на берегу моря, онъ выпросилъ у префекта, чтобы туда послали солдатъ для наказанія мятежниковъ. Солдаты пришли, похватили пресвитеровъ, а вѣрныхъ разогнали ударами сабель. Эта епископская экспедиція была вовсе не по вкусу константинопольскому народу, который громко кри-

1) Ibidem.

чать въ то время когда разгоняли его солдаты: „У насъ есть императоръ, но епископа нѣтъ!“¹⁾).

Отъ этихъ волненій, возмущавшихъ городъ, не былъ изъятъ и императорскій дворецъ, — и мирное согласіе въ вѣрѣ, дотошъ царствовавшее въ немъ, мало по малу удалилось изъ него. На одной половинѣ дворца, гдѣ жилъ императоръ, при его дворѣ и правительствѣ, Несторій торжествовалъ; здѣсь никто не смѣлъ болѣе называть Маріи Θεοτόκος. — Θεοδοσίη, которому архіепископъ съумѣлъ представить и разъяснить несообразность этого наименованія съ вѣрою и разсудкомъ, былъ первый сторонникъ Несторія въ имперіи. За нимъ, кто какъ могъ, старались быть или казаться несторіанцами и другіе: сперва камергеры, какъ лица наиболѣе близкія къ императору, потомъ чиновники его и министры. Преній Германіи имѣлъ также свой дворъ, своихъ льстецовъ, своихъ протекѣ. Главный евнухъ Хризаретъ и преторіанскій префектъ Антиохъ считали себя за честь быть его друзьями. Въ числѣ этихъ друзей многіе остались ему вѣрными, потому что раздѣляли его мнѣніе искренно: одна высокопоставленная особа, комитъ Ириней, который впоследствии будетъ играть роль въ этихъ разсказахъ, оставилъ свою должность, чтобы сдѣлаться несторіанскимъ епископомъ, и въ послѣдствіи впалъ въ немилость вмѣстѣ съ своимъ учителемъ. Но на другой половинѣ дворца, въ помѣщеніи „царственныхъ дѣвъ“²⁾, сцена была совершенно иная: здѣсь имя Несторія произносилось съ ужасомъ, едва терпѣли его присутствіе³⁾. Здѣсь собирались разномыслящіе члены митрополитанскаго клира или епископы, вовлеченные въ борьбу

¹⁾ Imperatorem habemus, episcopum non habemus. Conc., III. p. 427.

²⁾ Такъ называлась та часть дворца, которую Пульхерія велѣла устроить по монастырски, чтобы жить тамъ затворницей съ своими сестрами Аркадіей и Маріной. См. моя разсказы изъ Римской исторіи: Placidie et Pulcherie.

³⁾ Concil. IV, p. 101.

противъ еретика. Отверженіе Пульхеріи къ Несторію въ принципъ выходило изъ мотивовъ религіозныхъ, потому что эта ученая дѣвица была сердечно предана традиціонному ученію церкви, въ истинѣ котораго убѣждало её и изученіе твореній древнихъ отцовъ; но къ этому присоединялись и нѣкоторыя личныя оскорбленія, которыя растравляли въ ея сердцѣ отверженіе къ сектанту.

Несторій считалъ себя достаточно сильнымъ надъ умомъ императора, чтобы выступить въ прямую борьбу и противъ самой Августы. Хитрый проныра, онъ не замедлилъ подмѣтить въ отношеніяхъ императорской фамиліи нѣкоторыя вещи, которыя давали ему поводъ къ нареканію надъ ней. Прежде всего онъ удостовѣрился, что Θεодосій питалъ въ себѣ тайную ревность къ этой сестрѣ своей, которая его воспитала и привела государство его въ цвѣтущее состояніе, когда онъ самъ былъ еще только ребенкомъ. Эти заслуги ея, казалось, тяготили его; высокое уваженіе, которымъ прежняя правительница продолжала быть окружаема, казалось, беспокоило его, какъ уменьшеніе уваженія къ нему самому,—и нашлось не мало людей, которые твердили ему, что народъ желаетъ видѣть въ немъ государя, а не куклу женщины. Что Несторій былъ изъ первыхъ воспользовавшихся этимъ постыднымъ средствомъ, чтобы сокрушить могущество Августы, послѣдствія не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Патріархъ подмѣтилъ также и то постоянное предпочтеніе, которое Пульхерія оказывала Павлину, другу ея брата и императрицы¹⁾. Въ этомъ видѣли признакъ потаенной страсти, которую цѣломудрѣнная дѣвица обуздывала какъ могла, но которая все таки проявлялась въ ней противъ ея воли. Публичное злорѣчіе начинало уже изощряться на счетъ этой молодой женщины, которая сочла себя довольно силь-

¹⁾ Я разсказалъ первую часть жизни Пульхеріи въ томъ же разсказѣ изъ Римской исторіи, озаглавленномъ: *Placidie et Pulcherie.—Demembrement de l'Empire.*

ною, въ такомъ возрастѣ когда еще ничего не знаютъ о силѣ обольщеній свѣта, чтобы всецѣло и безъ сожалѣнія предаться религіозной жизни. Ему казалось, что это сожалѣніе явилось въ ней теперь, хотя она и мужественно съ нимъ боролась. Злорѣчивое шушуканье и пересмѣшки придворныхъ по временамъ доходили и до нея, но она считала ниже своего достоинства отвѣчать на нихъ: ни одна изъ этихъ отравленныхъ стрѣлъ, казалось, не достигала до ея сердца.

Несторій пмѣлъ дерзость сдѣлать изъ этого орудіе своей мести противъ нее. Подъ маской епископа, дѣлающаго выговоръ одной изъ подчиненныхъ себѣ монашенокъ, онъ упрекнулъ её за чувства, которыя замѣтно были въ ея сердцѣ, строго замѣтивъ ей, что въ невѣстѣ Христовой, какова она, такія чувства были оскорбленіемъ для ея божественнаго Жениха. Гордая влучка Θεодосія Велпкаго сѣумѣла напомнить этому хитрому и злому человѣку, осмѣлившемуся держать къ ней такую рѣчь, о подобающемъ уваженіи къ своей особѣ и своему имени. Съ этого дня, говорить намъ одинъ историкъ, отвращеніе ея къ Несторію перешло въ рѣшительную ненависть, которая преслѣдовала его до самаго изгнанія и смерти. Эти факты, о которыхъ современники не говорятъ ни слова, но которыя мы находимъ у одного греческаго компилятора среднихъ вѣковъ, Свиды, были заимствованы имъ, по всей вѣроятности, у несторіанскихъ писателей. Такъ какъ религіозныя партіи, не менѣе какъ и политическія, изобрѣтательны на то, чтобы очернить въ настоящемъ и оклеветать въ прошедшемъ своихъ противниковъ, то въ этомъ разсказѣ можетъ быть есть что-нибудь преувеличенное; но въ основаніи его есть нѣчто и вѣрное. Какъ ни досточтима память Пульхеріи, въ поведеніи которой исторія не знаетъ ни одного пятна, нѣжное чувство ея къ Павлину не было отъ этого менѣе дѣйствительно,—и послѣдующія событія представляютъ намъ указанія на это болѣе вѣрные, чѣмъ выговоры Несторія.

(Продолженіе будетъ.)